

1016

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Дженни Лукас

**ЛЮБОВЬ
ВСЕГДА ПРАВА**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Дженни Лукас

Любовь всегда права

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Лукас Д.

Любовь всегда права / Д. Лукас — «Центрполиграф»,
2019 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09154-3

Узнав о своей смертельной болезни, Ставрос Минос, греческий миллиардер, ищет забвения в невероятной ночи с Холли Марлоу, привлекательной и очень усердной секретаршей его кузена. А через год узнает, что она родила от него ребенка. По мнению Ставроса, нет ничего более логичного, чем узаконить их отношения. Отказ Холли от брака ошеломил его...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09154-3

© Лукас Д., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дженни Лукас

Любовь всегда права

Глава 1

Можно ли придумать что-то хуже свадьбы в канун Рождества, среди мерцающих огней, сверкавших на фоне снега, в украшенном плющом зале с ароматом зимних роз, разносившемся в воздухе?

Для Холли Марлоу хуже этого не было ничего в целом мире.

– Теперь можете поцеловать друг друга, – сказал священник, обратившись с улыбкой к молодоженам.

С болью в сердце Холли смотрела, как Оливер, ее босс, которого она преданно любила три долгих года, просиял в ответ и поцеловал невесту. Ее младшую сестру, Николь.

Гости, сидевшие на скамьях в церкви, были растроганы страстным слиянием этой пары, но Холли почувствовала тошноту. Одета в облегающее красное платье подружки невесты, она нервно посмотрела вверх на величественные витражные окна, затем перевела взгляд на проход между скамьями нью-йоркской церкви, щедро украшенный мерцавшими белыми свечами и красными розами.

Наконец молодожены завершили поцелуй. Выхватив букет из онемевших пальцев Холли, невеста торжествующе взяла за руку своего нового мужа.

– Самое лучшее Рождество на свете! – воскликнула Николь.

Гости засмеялись и зааплодировали. И хотя Холли любила Рождество и всегда стремилась сделать этот праздник полным волшебства и удовольствий для своей младшей сестры каждый год с тех пор, как умерли их родители, сейчас она подумала, что возненавидит эту дату до конца своих дней.

Нет, сказала себе Холли, и к ее горлу подступил комок. Нельзя так думать. Нельзя быть такой эгоисткой. Николь и Оливер были влюблены друг в друга. Она должна быть счастлива за них. Поэтому девушка заставила себя улыбнуться, когда хор запел «Аллилуйя».

Улыбаясь, жених и невеста прошли обратно по проходу.

Вдруг Холли столкнулась лицом к лицу с шафером. Это был двоюродный брат Оливера и его босс. То есть босс ее босса. Ставрос Минос.

Смуглый, высокий, широкоплечий и могущественный греческий миллиардер казался неуместной фигурой в старой каменной церкви. Сам воздух словно вибрировал от его присутствия. Конечно, его не заставили надеть карнавальный наряд, и Холли с завистью оглядела его дорогой костюм. Она не могла себе представить, чтобы кто-то заставил Ставроса Миноса что-то делать.

Затем Холли подняла голову, и черные глаза грека пронзили ее душу.

Он с саркастической усмешкой смотрел то на нее, то на счастливую пару, продолжавшую идти по проходу под радостные возгласы гостей, как будто знал об ее разбитом сердце.

У Холли пересохло во рту. Нет. Никто никогда не должен был догадаться, что она любила Оливера. Потому что теперь он был не только ее боссом. Он стал мужем ее сестры. Она должна была притвориться, что никогда не испытывала к нему нежных чувств.

По правде говоря, ничего не случилось. Холли никому не говорила о своих переживаниях, и тем более Оливеру. Этот мужчина понятия не имел, что его секретарша страдала от жалкой безответной любви. Никто и понятия не имел. Похоже, никто, кроме Ставроса Миноса.

Впрочем, неудивительно, что греческий плейбой-миллиардер видел то, что было скрыто от взора остальных. Почти двадцать лет назад, будучи подростком, он в одиночку основал

технологическую компанию, которая теперь владела половиной мира. В газетах писали и о его деловых победах, и о завоеваниях сердец самых красивых женщин мира.

Ставрос посмотрел на Холли с пониманием и молча протянул ей руку.

Она неохотно приняла ее, стараясь не обращать внимания на мускулы, скрытые под пиджаком. Казалось до смешного несправедливым, что такой богатый и влиятельный человек был еще и очень красивым мужчиной. Именно поэтому она старательно избегала смотреть на него всякий раз, когда связывалась по рабочим вопросам с его помощниками.

Холли и сейчас старалась не смотреть на него и так усердно улыбалась гостям, теснившимся на деревянных скамьях, что у нее заболели мышцы лица.

У выхода из старой каменной церкви, расположенной в милом переулке в финансовой части мегаполиса, их ждала еще более многочисленная толпа гостей, приветствовавшая молодоженов красными и белыми лепестками роз, которые падали на тонкое одеяло снега на тротуаре.

Послеполуденное солнце едва пробивалось сквозь сгущавшиеся облака, когда Холли добралась до безопасного места в ожидавшем ее лимузине. Она отвернулась к окну и быстро заморгала, чтобы никто не увидел ее слез.

Она не должна быть грустной. Только не сегодня. Ей нужно радоваться за сестру и Оливера.

– Ух ты, – воскликнула Николь, плюхнувшись в облаке белого тюля на сиденье напротив сестры и улыбнувшись мужу. – Мы сделали это! Мы поженились!

– Наконец-то, – лениво протянул Оливер, взглянув на невесту. – Мы сделали большое дело. Никогда не думал, что позволю кому-то накинуть мне на шею петлю брака.

– Пока не встретил меня, – заявила Николь, подставляя лицо для поцелуя.

– Именно, – улыбнулся он, целуя ее.

Холли почувствовала, как ее сиденье заходило ходуном, когда Ставрос Минос устроился рядом с ней.

Оливер самодовольно повернулся к кузену.

– Ну что, Ставрос, понравилась церемония?

Красивое лицо греческого магната вдруг стало высокомерным.

– Да, ты и представить себе не можешь, до какой степени.

Как он смеет быть таким грубым? Этот плейбой явно был недоволен тем, что его заставили присутствовать на свадьбе двоюродного брата. И в отличие от Холли, он не испытывал никаких угрызений совести и не скрывал свои чувства. К счастью, довольная пара, казалось, ничего не заметила.

Оливер фыркнул:

– Я собирался пригласить дядю Аристиду, он ведь член нашей семьи и все такое, но знал, что тебе это не понравится.

– Очень великодушно с твоей стороны, – ответил Ставрос спокойным голосом.

Холли позавидовала холодности Ставроса Миноса, потому что чувствовала себя разбитой и уязвленной. Сестра хотела, чтобы Холли переехала с ними в Гонконг сразу после возвращения пары из свадебного путешествия на Арубу. Оливер уже уволился из «Минос интернэшнл». Если Холли останется на прежнем месте, то вскоре будет работать на весьма неприятного типа, вице-президента компании. Был еще вариант: принять предложение от предыдущего работодателя, который вернулся в Европу.

Был ли смысл уезжать из Нью-Йорка, чтобы посвятить себя обеспечению счастья своей младшей сестры на веки вечные?

– Ты действительно ненавидишь свадьбы, Ставрос? Я больше не увижу твоего недовольного лица в офисе компании. Буду работать на благо фирмы «Синистех».

– Правильно, – пожал плечами мужчина. – Пусть другую компанию беспокоят твои трех-часовые обеды с бокалом мартини.

Ухмылка Оливера стала еще шире.

– Не могу дождаться, хочу исследовать Гонконг.

– Я тоже, – сказала Николь.

Оливер чуть не подпрыгнул, как будто забыл о том, что его молодая жена сидела рядом.

– Естественно, – произнес он и взглянул на Холли. – Николь уже убедила тебя? Может быть, присоединишься к нам и будешь работать там моим секретарем?

Почувствовав на себе взгляды всех присутствующих, Холли покраснела.

– Н-не уверена, – пробормотала она.

– Не будь эгоисткой, – настаивал Оливер. – Я не справлюсь без тебя. Кто еще сможет организовать все на моей новой работе?

– А я могу скоро забеременеть, – с тревогой сказала Николь. – Кто же будет заботиться о ребенке, если тебя не будет рядом?

У Холли перехватило дыхание. Наблюдать, как ее сестра выходит замуж за мужчину, в которого влюблена она, Холли, было достаточно тяжело. Но жить с ними и растить их детей было бы форменным издевательством.

Холли – двадцатисемилетняя девственница. Она была секретаршей, сестрой, а вскоре, возможно, станет тетей. Но будет ли она когда-нибудь женой? Матерью? Встретит ли она когда-нибудь мужчину, которого полюбит и который полюбит ее? Будет ли она когда-нибудь самым важным человеком в мире для кого-либо?

В двадцать семь лет это уже казалось маловероятным. С тех пор как умерли их родители, она почти десять лет воспитывала сестру. Три последних года заботилась о рабочих делах Оливера. Возможно, это и было ее предназначением. Обслуживать Николь и Оливера, наблюдая, как они любят друг друга и растят детей. Эта мысль вызвала у нее острую боль в сердце.

– Ты прекрасно обойдешься и без меня.

– «Прекрасно»? – Николь возмущенно покачала головой. – Это будет катастрофа! Ты должна поехать с нами в Гонконг, Холли. Ну пожалуйста!

Сестра говорила таким же льстивым тоном, который использовала с детства, чтобы добиться своего. Тот же тон звучал в ее голосе четыре недели назад, чтобы убедить Холли устроить ее внезапную свадьбу с рождественским антуражем, о котором Холли когда-то мечтала для своей собственной свадьбы.

А потом поняла, что нет смысла мечтать о том, что никогда не произойдет. Если бы какой-нибудь мужчина когда-нибудь заинтересовался ею, это уже случилось бы. В отличие от Холли белокурая, миниатюрная и миловидная Николь всегда обладала странной властью над мужчинами, и в двадцать два года научилась хорошо ею пользоваться.

Но даже Холли не могла себе представить, чем все закончится, когда познакомила ее с Оливером прошлым летом на пикнике компании.

Посмотрев на сестру, Холли вдруг заметила ее обнаженную шею.

– Где мамино ожерелье с золотыми звездами, Николь?

– Оно где-то в коробках. Найду его, когда буду распаковывать вещи в Гонконге.

– Ты потеряла мамино ожерелье?

Холли почувствовала себя совершенно разбитой. Мало того что родители не дожили до свадьбы младшей дочери, так еще и Николь утратила драгоценное ожерелье с золотыми звездами, которое всегда носила их мать...

– Я его не теряла, – раздраженно ответила Николь. – Оно где-то лежит.

– Не пытайся сменить тему, Холли, – резко сказал Оливер. – Ты слишком упряма и эгоистична и не можешь оставаться в Нью-Йорке, когда я так нуждаюсь в тебе.

Эгоистична. Это обвинение ударило Холли, как пощечина. Разве эгоистичным было надеяться на собственное счастье?

У Холли комок подступил к горлу. Николь была ее единственным близким человеком.

– Позволь мне кое-что прояснить, – едко произнес Ставрос Минос. – Ты хочешь, чтобы мисс Марлоу бросила работу в «Минос интернэшнл» и переехала в Гонконг? Чтобы весь день работала на тебя в офисе, Оливер, а ночью нянчила твоих детей?

– Это не твое дело, Ставрос, – нахмурился Оливер.

– Спасибо за ваше замечание, мистер Минос, – вмешалась Николь, одарив его очаровательной улыбкой, – но забота о людях – это то, что Холли умеет делать лучше всего. Она всегда была рядом с тех пор, как мне исполнилось двенадцать. Я не могу себе представить, чтобы она когда-нибудь захотела перестать заботиться обо мне.

– О нас, – добавил Оливер.

– Это правда? – спросил Ставрос, приоткрыв свои чувственные губы в улыбке, продемонстрировавшей его белые блестящие зубы.

– Любой сделал бы то же самое на моем месте, – пробормотала Холли.

– Ничего подобного, – фыркнул Оливер, откинувшись на спинку сиденья. – Мужчины семейства Минос эгоистичны до мозга костей. Мы делаем то, что нам нравится, и пусть все остальные идут к черту.

– И что это должно означать? – сказала его жена.

– Это наше очарование так себя проявляет, дорогая, – подмигнул Оливер.

Но Николь, кажется, уже не была так уж очарована. Ноздри ее раздувались от гнева, и она повернулась к Холли.

– Я не могу просто оставить тебя в Нью-Йорке. Ты же не знаешь, чем заняться. Ты бы чувствовала себя одиноко.

– У меня есть друзья... – напряглась Холли.

– Но не семья, – нетерпеливо перебила Николь. – К тому же вряд ли ты когда-нибудь заведешь мужа или собственных детей. У тебя никогда не было серьезных отношений. Ты же не хочешь умереть в одиночестве?

Холли уставилась на сестру. Николь была права. Завтра, впервые в жизни, Холли проведет Рождество одна. Ей суждено быть в одиночестве не только в Рождество, но и всю оставшуюся жизнь.

Она встретилась взглядом со Ставросом. Его красивые черты лица были жесткими и холодными, как у мраморной статуи, а черные глаза ледяными, как зимняя ночь. Затем выражение его лица внезапно изменилось.

– Боюсь, что мисс Марлоу не сможет поехать в Гонконг, – сказал он. – Потому что мне нужен еще один помощник. Я повышаю ее.

– Что? – воскликнул Оливер.

– Что? – ахнула Николь.

– Что? – недоуменно спросила Холли.

– Не могли бы вы работать непосредственно со мной, мисс Марлоу? Работы будет больше, но я удвою вам зарплату.

– Но... – сглотнув, прошептала Холли, – почему я?

– Потому что вы самый лучший работник. А еще потому, что я этого хочу.

Ставрос вовсе не собирался вмешиваться. Оливер был прав. Все это не его дело.

Ему было наплевать на своего кузена, тот был никчемным, и Ставрос жалел о том дне, когда нанял его. Оливер плохо справлялся с работой вице-президента по маркетингу. Он оказался на волосок от увольнения, когда принял «неожиданное предложение» из Гонконга. Став-

рос был рад, что кузен уходит. Он подозревал, что Оливер может быть сильно удивлен, когда его новые работодатели действительно заставят его работать.

Ставроса также не слишком волновала судьба жены кузена. Во время репетиции церемонии он пытался предупредить Николь о том, что Оливер обманывал ее, но блондинка не захотела его слушать. То есть она знала, во что ввязывается, но ей было все равно.

Следовательно, ему было наплевать на них обоих.

Но Холли Марлоу – совсем другое дело.

Ставрос подозревал, что только благодаря усилиям трудолюбивой секретарши Оливеру удалось продержаться на плаву последние три года. Холли подолгу работала в офисе, а потом, вероятно, по ночам и выходным дома, выполняя за Оливера его работу. Все в нью-йоркском подразделении, от уборщиц до начальников, любили милую и надежную мисс Марлоу. Добро-сердечную, благородную, самоотверженную...

Но она была совершенно поработана этими двумя эгоистичными людьми, которые вместо того, чтобы поблагодарить ее за все, что она сделала, были полны решимости продолжить ее рабство в Гонконге.

Два дня назад Ставрос, возможно, не обратил бы на это внимания. Люди имеют право делать собственный выбор, даже самый глупый.

Но после того, что он узнал вчера, Ставрос впервые задумался о том, что же оставит после своей смерти. И это были не очень приятные мысли.

– Ты не можешь забрать Холли! Она мне нужна! – взорвался Оливер. Заметив свирепый взгляд Ставроса, кузен с беспокойством взглянул на жену. – Она нам нужна.

– Ты же не хочешь этого повышения, Холли? – простонала Николь.

Но Холли смотрела на Ставроса, ее лицо сияло.

– Вы... вы это серьезно?

– Я никогда не говорю ничего просто так.

Сегодня, в этой старой каменной церкви, в свете свечей, он впервые осознал, насколько красива Холли Марлоу.

По правде говоря, красивых женщин в его жизни было пруд пруди, а по-настоящему компетентных, энергичных секретарей – единицы. А Холли скрывала свою красоту, убирая огненно-рыжие волосы в строгий пучок, никогда не красилась и была всегда одета в бежевый костюм свободного покроя и практичные туфли.

Неужели такая красота была прямо у него под носом?

Ее яркие, широко расставленные зеленые глаза, обрамленные длинными черными ресницами, смотрели на него снизу вверх. Кожа была бледной, за исключением небольшого количества веснушек на носу. Губы были красными, она так восхитительно их покусывала белыми ровными зубами. Ее густые, вьющиеся золотисто-рыжие волосы рассыпались по плечам. И это обтягивающее красное платье... У Ставроса даже пульс участился.

Лиф платья с глубоким вырезом демонстрировал миру ее полную грудь, в обычной жизни скрытую под мешковатой одеждой. Когда они выходили из церкви, он успел бросить взгляд на ее округлые ягодицы.

Все это ему придется игнорировать, когда она будет работать на него. Ставрос намеренно отвел взгляд. Он не соблазнял женщин, работавших с ним. Да и зачем ему это делать, когда в мире огромное число красивых женщин, а по-настоящему ценные сотрудницы редки как бриллианты.

Секс был для него развлечением, не более того. Настоящей жизнью для него была его компания, работа.

Причина, по которой Холли так просто одевалась в офисе, очевидно, заключалась в том, что она хотела, чтобы ее ценили за достижения и работу, а не за внешность. В этом они были

одинаковы. С самого детства Ставрос хотел заниматься чем-то важным. Он хотел изменить мир.

Но это было еще не все, что их объединяло. Он заметил страдальческое выражение ее лица, когда она смотрела на Оливера. Так что у Ставроса и Холли были свои секреты. Но ее необъяснимое увлечение Оливером не могло продолжаться долго. Когда она оправится от влюбленности, выздоровеет от нее, как от сильной простуды, то поймет, что избежала катастрофы.

Что же касается тайны Ставроса, то все узнают о ней, когда он умрет. По прогнозам врача, это произойдет примерно через шесть – девять месяцев. Он еще сколько не успел...

Всего несколько дней назад Ставрос предполагал, что у него впереди еще около пятидесяти лет. А в результате он вряд ли доживет до своего тридцатисемилетия, до следующего сентября.

Ему суждено умереть в одиночестве, и никто, кроме его адвокатов и акционеров, не будет оплакивать его смерть. Компания будет его единственным наследием. Все свое состояние он, вероятно, передаст в благотворительные фонды.

Бедный Ставрос, скажут его бывшие любовницы, а затем найдут себе новых мужчин.

Бедный Минос, скажут его деловые партнеры и займутся новыми сделками.

О нем все забудут. У него не было детей, некому будет продолжить род.

Оглядываясь назад, Ставрос видел все это с болезненной ясностью именно теперь, когда его жизнь подходила к концу. И винить он должен был только себя. В его ушах звучали жестокие слова Николь: «Ты же не хочешь умереть в одиночестве?»

Шестая авеню сверкала рождественскими огнями, в быстро сгущавшихся сумерках пронеслись желтые такси, заполненные людьми, направлявшимися на семейные обеды. Лимузин повернул на восток и наконец остановился у входа в Гранд-отель с видом на Центральный парк.

– Это еще не конец, Холли, – твердо сказал Оливер. – Я уговорю тебя.

– Ты поедешь с нами, – сказала Николь, улыбаясь и поправляя фату.

Водитель в форме открыл заднюю дверцу лимузина. Оливер вышел первым, затем галантно подал руку, чтобы помочь своей очаровательной невесте. Туристы глазели на них, стоя на тротуаре. Некоторые навели на них камеры на телефонах, явно полагая, что фотографировали королевских особ. Новоиспеченные мистер и миссис Оливер Минос величественно помахали им и вошли в Гранд-отель, где в их честь планировался роскошный прием.

На заднем сиденье лимузина воцарилась тишина. Холли застыла на месте. Ставрос внимательно посмотрел на нее.

– Не поддавайся им, Холли, – тихо попросил он. В первый раз он назвал ее по имени. – Заступись сама за себя. Ты стоишь гораздо больше, чем они.

Ее зеленые глаза расширились, а затем внезапно заблестели от слез. Холли прошептала:

– Как вы можете так говорить?

– Потому что это правда, – резко ответил он, затем вышел из лимузина и протянул ей руку.

Быстро моргнув, она медленно вложила свою руку в его.

И это случилось.

Ставрос спал со многими женщинами – красивыми, знаменитыми и влиятельными, моделями и старлетками, и даже одной нобелевской лауреаткой. Но когда он дотронулся до руки Холли, то ощутил то, чего никогда не испытывал раньше. Электрический импульс прошел по его телу, достигнув сердца, и оно странно заколотилось.

Внезапно пошел снег, и Холли с радостным смехом отпустила его руку, залюбовавшись красотой снежинок.

Без тепла ее руки Ставрос снова почувствовал зимний холод. Мир вокруг снова потемнел, когда мужчина вспомнил, что скоро вообще перестанет чувствовать.

– Вы можете в это поверить? – широко раскинув руки и смеясь, как ребенок, Холли кружилась, высунув язык, и пробовала снежинки на вкус. Она была похожа на ангела. – В день свадьбы моей сестры идет снег! В канун Рождества!

Оживленная улица, туристы, запряженные лошадьми экипажи, такси, звуки рождественской музыки – все исчезло. Ставрос видел только ее.

Глава 2

Большой бальный зал отеля был похож на зимнюю страну чудес, заполненную серебряными рождественскими елками. На каждом из двадцати круглых столов в центре зала стояли красные розы, ярко выделявшиеся на белом фоне. Все было даже красивее, чем представлялось Холли. Нервный ком застрял у нее в горле, когда она медленно огляделась.

Именно о такой свадьбе она мечтала с девятнадцати лет, когда вырезала фотографии из журналов, пока спала ее младшая сестра.

После смерти родителей Холли отказалась от стипендии и вернулась домой. Она не могла допустить, чтобы Николь поместили в приемную семью. Но иногда чувствовала себя пойманной в ловушку и такой одинокой, вынужденной заботиться о сестре, которая, когда была подростком, вела себя просто невыносимо.

Холли сделала специальный альбом, сборник своих мечтаний, он служил ей утешением все это время, пока три года назад Николь не уехала в колледж, а Холли не начала работать на Оливера.

В своих давних романтических фантазиях она всегда представляла себя невестой в белом платье принцессы, танцевавшей с обожавшим ее женихом. Теперь, глядя, как Николь и Оливер танцевали свой первый танец в качестве мужа и жены, окруженные обожавшими их друзьями, она убеждала себя, что счастлива.

– Они действительно идеальная пара, – раздался низкий, хриловатый голос Ставроса.

Его слова почему-то прозвучали саркастически.

– Да, – согласилась Холли, слегка отодвигаясь, чтобы случайно не соприкоснуться с ним.

Когда он помогал ей выйти из лимузина, от его прикосновения все ее тело задрожало. Это было совершенно нелепо. Холли была уверена, что Ставрос Минос ничего не почувствовал. Она должна взять себя в руки, если собирается стать его помощницей!

Да что с ней такое? Холли ничего не понимала. Почему она так затрепетала по отношению к Ставросу, если влюблена в Оливера?

Но она больше не хотела любить Оливера. Это было болезненное чувство. А теперь, когда он стал ее шурином, к тому же выглядело отвратительно и неправильно. Она хотела проникнуть в свою душу и выключить свои эмоции, словно свет в комнате...

– Ты ведь принимала участие в организации приема, не так ли? – спросил Ставрос, оглядывая рождественскую обстановку.

Она заставила себя улыбнуться.

– Я хотела, чтобы у моей сестры была свадьба мечты, и сделала все, что могла.

– Ты очень хороший человек.

Опять же, эти слова должны были звучать как комплимент, но они не были им... Она попыталась прочесть выражение его лица, но оно было непроницаемо.

Холли покачала головой.

– Вам, должно быть, не нравится все это.

– Что именно?

– Быть шафером на свадьбе. Вы – самый известный холостяк в городе.

Он взял с подноса бокал янтарной жидкости и сделал неторопливый глоток.

– Давай просто скажем, что любовь – это то, что мне никогда не выпадало счастья испытать.

Опять ирония судьбы, подумала она. Его черные глаза прожгли ее насквозь, напомнив, что он догадывался о ее тайной влюбленности в Оливера. Ее щеки покраснели.

Глядя на невесту и жениха, танцевавших в центре бального зала и олицетворявших картину любви из волшебной сказки, она пробормотала:

- Вы правы. Они действительно идеальная пара.
- Прекрати это, – резко сказал он, как будто был сильно раздражен.
- Прекратить что?
- Сними розовые очки.
- У нее отвисла челюсть.

– Что?

– Надо быть полной идиоткой, чтобы полюбить Оливера. А вы, мисс Марлоу, явно не дурочка.

Разговор принял странный оборот. Ее сердце бешено заколотилось. Не было никакого смысла пытаться лгать. Она никогда раньше не осмеливалась высказывать свои чувства вслух.

– Как вы догадались? – прошептала она.

Он закатил глаза.

– У тебя все написано на лице, – заявил он и после небольшой паузы продолжил: – Уверен, Оливер тоже знает, что ты чувствуешь.

Ужас пронзил ее насквозь.

– Нет, это не так.

– А как еще он мог использовать тебя все эти годы?

– Использовать? – Она удивленно посмотрела на него. – Меня?

Он серьезно посмотрел на нее сверху вниз.

– У меня десять тысяч сотрудников по всему миру. И судя по тому, что мне все говорят, ты самая трудолюбивая из них. Зови меня на «ты», просто Ставрос, – приказал он.

– Ставрос, – произнесла она, слегка покраснев. – Уверена, что это не так. Каждый день я прихожу домой в шесть вечера.

– Да, и дома готовишь бумаги для Оливера. Никогда не просишь прибавки к жалованью, хотя платишь за обучение сестры в колледже. Кстати, она вполне могла бы найти работу и заплатить за себя сама.

Холли покраснела еще сильнее от смущения.

– Я забочусь о своей сестре, потому что... потому что отвечаю за нее. Я забочусь об Оливере, потому что... – продолжила она, запнувшись, – потому что на него работаю.

– И потому, что ты в него влюблена.

– Да, – прошептала она, почувствовав сильное сердцебиение.

– А теперь он внезапно женился на твоей сестре, и вместо того, чтобы рассердиться, ты организовала им все тут, – заявил он, обводя рукой роскошный зал.

– За исключением этого платья, – ответила она, еще раз пожалев, что не надела то скромное, бордовое, которое выбрала сама. – Его предложила Николь. Она сказала, что мое платье – самая старомодная вещь, которую она когда-либо видела, и она не позволит испортить свои свадебные фотографии.

– Они действительно стоят друг друга, – пробормотал он, затем посмотрел на нее сверху вниз и мимоходом заметил: – Ты прекрасно выглядишь в этом платье.

Очередной комплимент, который совсем не походил на комплимент. Ставрос почему-то казался рассерженным. А может, он насмеялся над ней? Она не понимала, почему он сказал ей, что она красивая, с такой яростью. Ее щеки вспыхнули, но она пробормотала:

– Спасибо.

Какое-то мгновение они стояли в стороне от толпы, наблюдая, как новобрачные закончили свой танец долгим, ярким поцелуем. Гости зааплодировали. Почувствовав себя неловко, Холли стала отворачиваться.

Ставрос остановил ее. Широкоплечий и сильный в своем смокинге, он возвышался над ней, как темная тень. Сардонически приподняв бровь, он протянул руку, выжидая.

Что за игру он затеял? Ставрос брал к себе в постель старлеток и моделей. С какой стати ему танцевать с такой простой, обыкновенной девушкой, как она? Она подняла на него глаза. Его красивое лицо было высокомерным, неприступным и далеким, как звезды в небе.

– Тебе незачем делать это из жалости, – сухо заявила она. – Если ты считаешь, что это необходимо, потому что ты шафер, а я подружка невесты...

– Я просто хочу, чтобы ты увидела правду, – перебил он.

В его черных глазах была странная темнота, а мускулистое тело под хорошо скроенным смокингом дрожало от напряжения.

Она попыталась вырваться. Неумолимо сжав ее руку в своей, он повел ее на танцпол, где гости покачивались под медленную романтическую музыку.

Она чувствовала, что все смотрели на нее. Женщины – со смесью зависти и недоумения, мужчины – с интересом. Даже Николь и Оливер замерли, разинув рот.

Холли была сбита с толку. Ставрос мог танцевать с кем угодно. Почему он выбрал именно ее? Неужели он заключил какое-то пари? Не могло же все это быть только для того, чтобы убедить Холли в отсутствии у нее настоящих чувств к Оливеру. Хорошо бы это было так. Внезапно Холли захотелось этого больше всего на свете.

Ставрос уверенно повел ее в центр танцпола, заставив остальных расступиться. Притянув ее к своей груди, он посмотрел на нее сверху вниз. Его темный пристальный взгляд прожигал ее насквозь, до самых кончиков пальцев ног. Он смотрел на нее так, словно... желал ее? Нет. Щеки Холли вспыхнули. Это было слишком. Ни один мужчина никогда не желал ее. Ни Оливер, ни даже Альберт из бухгалтерии, который несколько месяцев назад пригласил ее на свидание, а потом отменил его ради какой-то игры плей-офф.

Но во взгляде Ставроса горел огонь.

– Ты не любишь моего кузена, – прошептал он, крепче сжав ее в объятиях. – Признай это. Он был просто мечтой, которая была тебе нужна. Ты его толком не знаешь.

Холли закатила глаза.

– Я работаю на него три года. Конечно, я знаю Оливера. Я знаю о нем все.

– Ты уверена? – поддел ее Ставрос, глядя на танцующую пару.

Проследив за его взглядом, Холли увидела, как Оливер через плечо жены кокетливо улыбнулся хорошенькой девушке. Она заметила, что Николь тоже обратила на это внимание, нахмурилась и намеренно наступила на ногу своего нового мужа острым каблуком-шпилькой.

– Он немного флиртует, – ответила Холли. – Это ничего не значит.

Теперь уже Ставрос закатил глаза.

– Он спит со всеми женщинами, с которыми только может переспать.

– Он никогда не пытался переспать со мной, – возразила она.

– Потому что ты особенная.

Холли затаила дыхание.

– Правда?

– Убери это выражение умирающей коровы со своего лица, – раздраженно сказал он. – Да, особенная. Его прежняя секретарша подала иск о сексуальных домогательствах. Я сказал Оливеру, что если это когда-нибудь случится снова, я уволю его и не посмотрю, что он мой кузен. А еще он Минос до мозга костей, то есть эгоист. С чего бы ему рисковать потерять потрясающую секретаршу, работающую на него день и ночь, только ради секса, который он может получить где угодно.

Она пристально посмотрела на него.

– Ты его критикуешь, но ведь сам делаешь то же самое. Каждую неделю у тебя в постели новая актриса или модель!

Ставрос стиснул зубы.

– Это не совсем так... Но ты права. Я не имею права критиковать его. И я бы не стал, если бы он не пытался забрать твою жизнь. Не позволяй ему это сделать. Оливер использует тебя. Сними розовые очки. Посмотри на него такого, каков он на самом деле.

Оглянувшись на Оливера, Холли вдруг вспомнила все случаи, когда он останавливал ее выходящую из офиса в пятницу вечером и вручал стопки бумаг. Она вспомнила все случаи, когда он таинственно исчезал, если дело принимало неприятный оборот, оставляя Холли делать за него грязную работу. В то время Холли убеждала себя, что это было доказательством его веры в нее, что он полагался на нее в решении важных вопросов. Но сейчас...

– Почему ты заставляешь меня видеть правду? – беспомощно спросила она. – Какое тебе до этого дело?

Ставрос резко прервал танец. Он посмотрел на нее сверху вниз, его черные глаза прожигали ей душу.

– Потому что я хочу тебя, Холли, – хрипло сказал он. – В своей постели.

За это он попадет в ад.

Ее изумрудные глаза расширились от удивления.

Он хотел Холли больше, чем любую другую женщину. Почему именно ее? Он не знал. Причиной тому не могла быть ее восхитительная красота. Ставрос и раньше спал с красивыми женщинами.

Холли Марлоу была совсем другой. Супермодели и актрисы были блестящими, но холодными, как снежинки за окном. Холли была настоящей. Теплой, живой. В ее прекрасных зеленых глазах отражалось ее огромное сердце.

А еще у нее было великолепное тело, зрелое, пышное. У него пересохло во рту, когда он представил, как будет дотрагиваться до ее обнаженной кожи. Он ощутил, что она покраснела и задрожала, когда он положил ей руку на бедро, и задался вопросом, насколько невинной она могла быть. Может быть, она вообще девственница? Нет. В наши дни и в таком возрасте? Конечно же нет.

И все же он чувствовал, что должен сделать Холли своей, пусть даже это будет последнее, что он сделает. Такое было вполне вероятно.

Он посмотрел на ее розовые губы, потом на глубокий вырез декольте.

– Я хочу тебя, – хрипло повторил он.

Холли внезапно прерывисто вздохнула.

– Как ты можешь быть таким жестоким?

Нахмурившись, Ставрос отстранился.

– «Жестоким»?

– Я всего лишь секретарша. Простая и скучная. Это не дает тебе права смеяться надо мной!

Ее слова прервались рыданием, она развернулась и убежала, оставив его одного посреди танцпола.

С его губ слетело проклятье. Смеяться над ней? Никогда в жизни он не был так серьезен, как сейчас. Может, она сошла с ума?

Ставрос мрачно пробирался сквозь толпу, пытаясь догнать ее. Но другие гости постоянно оказывались у него на пути: деловые партнеры отчаянно пытались снискать его расположение, женщины надеялись на шанс потанцевать с ним. Его глаза обшаривали толпу в поисках Холли.

Он заметил Оливера, болтавшего у бара с какой-то девицей. Несмотря на все его презрение к кузену, Ставрос понимал, что в некоторых отношениях они были похожи.

Он никогда не лгал подругам, но вряд ли это можно было причислить к достоинствам Ставроса, так как его отношения с женщинами редко длились дольше месяца. Всякий раз, когда тяга к работе становилась сильнее тяги к сексу или если любовница требовала от него какого-то эмоционального участия, Ставрос просто прекращал роман.

Последние два десятилетия он работал по восемнадцать часов в сутки, создавая свою технологическую компанию. В отличие от Оливера он не боялся тяжелой работы. Поначалу просто хотел добиться успеха назло отцу, оставившему мать без гроша и вычеркнувшему Ставрота из претендентов на состояние Минос. Но к двадцати годам он научился получать удовольствие от самой работы.

Но правда была в том, что он не сильно отличался от Оливера, так же, как и он, спал с красивыми женщинами, избегая серьезных отношений. Но Ставросу это удавалось лучше.

Для него было ударом осознать, что Оливер, несмотря на свою слабость и поверхностность, сумел сделать то, чего не получилось у Ставрота, – жениться, хотя был на два года моложе. А у Ставрота оставалось так мало времени...

Наконец отыскав взглядом Холли, которая разговаривала с сестрой, он начал проталкиваться сквозь толпу, не обращая внимания на тех, кто пытался заговорить с ним.

Он подошел к Холли сзади как раз вовремя, чтобы услышать, как Николь что-то сердито ей выговаривала.

Голос Холли был тихим и умоляющим:

– Я просто боюсь за тебя...

– Мне все равно, что ты думаешь или что говорит Ставрос Минос. Оливер никогда не будет меня обманывать. – Николь вздернула подбородок, ее длинная белая фата заколыхалась. – Ты не заслуживаешь быть моей подружкой невесты. Я должна была попросить Юну, а не тебя! Лучше соседка по комнате в колледже, чем ревнивая сестра – старая дева!

– Николь!

– Забудь об этом. – Глаза ее сестры сверкнули холодным блеском. – Я хочу, чтобы ты убралась отсюда.

Холли глубоко вздохнула.

– Пожалуйста. Я не пытаюсь...

– Убирайся! – крикнула Николь так громко, что перекричала оркестр, и гости обернулись, уставившись на них.

Холли опустила плечи и с потрясенным лицом прошла сквозь молчаливую толпу.

Ставрос повернулся к Николь.

– Твоя сестра любит тебя, – тихо сказал он. – Она пыталась предупредить.

– Предупредить меня? – идеальные розовые губы Николь скривились, она насмешливо вздернула подбородок. – Я никогда не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас.

– Ну, удачи тебе, – ответил он и пошел за Холли.

Он нашел ее на улице дрожащую от холода, безнадежно пытавшуюся поймать такси. При виде Ставрота ее лицо побледнело. Развернувшись, она заковыляла прочь, через пустую улицу к запыленному Центральному парку. Когда он попытался догнать ее, она отчаянно закричала:

– Оставь меня в покое!

– Холли, подожди.

Ставрос нагнал ее на тротуаре возле кареты без лошадей, украшенной гирляндами орхидей и красными бантами, и схватил ее за плечо.

– Проклятье... – прошептала она.

С трудом сдерживая злость, он притянул ее к себе. Холли плакала у него на груди, и он чувствовал, как она дрожала от горя и холода.

– Я сказала ей слишком поздно. Я должна была догадаться... Я должна была давно предупредить ее!

– Это не твоя вина.

Мысленно проклиная своего кузена и ее сестру, Ставрос нежно гладил ее длинные рыжие волосы, пока она не успокоилась.

Она подняла на него взгляд, ее прекрасное лицо было опустошенным и в потеках туши.

– Я не собираюсь возвращаться.

– Вот и хорошо.

Она сделала глубокий вдох.

– Это ведь не Николь послала тебя за мной?

Ставрос покачал головой.

Ее плечи на мгновение поникли, затем она вздернула подбородок.

– Так чего же ты хочешь?

Он подошел ближе.

– Я уже сказал тебе.

Ее глаза расширились, а губы приоткрылись. Затем она резко отвернулась.

– Не надо.

– Что «не надо»?

– Просто не надо. – Она с трудом сглотнула, ее зеленые глаза блестели от слез. – Ну ладно, с Оливером я сглупила. Теперь я поняла, что это было наваждение, порожденное одиночеством. Ты поступаешь жестоко, желая доказать свою точку зрения. Я знаю, что не в твоём вкусе. Я живая, у меня есть чувства!

– Ты думаешь, я с тобой играю? Я хочу тебя, Холли, – тихо проговорил он, глядя ей в глаза. – Я хочу тебя. Так сильно, как никогда никого не хотел.

Отвернувшись, она упрямо покачала головой. Ставрос снял свой черный смокинг и аккуратно накиннул его ей на плечи. Протянув руку, он провел кончиком большого пальца по ее нежной, дрожавшей нижней губе.

– Холли, посмотри на меня.

В лунном свете ее глаза казались огромными.

– Ты же не думаешь, что я тебе поверю, – запинаясь, проговорила она.

– Верь мне, – прошептал он и, схватив ее за лацканы смокинга, который был ей велик, крепко прижал ее к себе и поцеловал.

Глава 3

Даже в самых смелых своих мечтах Холли никогда не представляла себе такого поцелуя. Его губы и язык умело двигались, овладевая ею. Крепко прижавшись к его сильному, мускулистому телу, она ответила на его поцелуй, всем телом устремившись ему навстречу. В его страстных объятиях внутри ее внезапно вспыхнула искра желания и раскалилась добела.

Холли никогда не чувствовала ничего подобного раньше. Полудетское увлечение Оливером рассеялось как дым. Еще мгновение назад она была опечалена и подавлена резкими словами своей сестры. Но сейчас все ее тело было напряжено от сладостного, дикого желания.

Когда он наконец отстранился, Холли в шоке уставилась на него.

– Ты – все, чего я хочу, – хрипло сказал он, нежно поглаживая большим пальцем край ее скулы.

У нее перехватило горло.

– Держу пари, что ты говоришь это всем девушкам, – неуверенно произнесла она, пытаясь улыбнуться.

– Я никогда никому этого не говорил. – Ставрос посмотрел в сторону парка, на черное кружево голых деревьев на фоне залитого лунным светом снега. – Но жизнь не длится вечно. Я не могу терять ни минуты.

Она прикусила губу, чувствуя себя как во сне.

– Но ты можешь иметь любую женщину. Я совсем другая...

– Да, другая. Я наблюдал за тобой. Ты теплая, любящая и добрая. И очень красивая, – прошептал он, проводя рукой по ее длинным рыжим волосам. Его взгляд упал на ее красное платье с глубоким вырезом. – И такая сексуальная, что любой мужчина может сойти с ума.

Сексуальная? Она?

Он покрыл поцелуями ее лицо.

– Ты единственная, кого я хочу.

Ставрос снова поцеловал ее в губы, и поцелуй длился так долго, что она забыла все свои сомнения и преодолела неуверенность, она забыла даже свое собственное имя.

Когда он отпустил ее, Холли все еще была под влиянием его жарких объятий.

Поднеся телефон к уху, он приказал:

– Забери меня у Центрального парка.

– Так ты уезжаешь? – прошептала она, странно удрученная.

– Я отвезу тебя домой.

– Тебе не нужно отвозить меня домой. У меня есть карта метрополитена. Я могу...

– Не к тебе домой.

Его глаза прожигали ее насквозь.

Ее дыхание участилось.

– Но зачем?

Его чувственные губы изогнулись в усмешке.

– Ты спрашиваешь, зачем?

– Я имею в виду... нужно что-то напечатать или...

– Ты думаешь, это все, на что ты годишься?

Она покраснела под его пристальным взглядом.

Она прикусила губу, затем заставила себя ответить: – Ты хочешь меня соблазнить?..

– Насколько ясно я должен еще это сказать? – хрипло ответил он. – Я хочу тебя, Холли. В своей постели. И в своей жизни.

Последнее предложение было самым шокирующим. Она пристально посмотрела на него. Когда-то она думала, что работа и тайная влюбленность в босса – это все, что она могла ожи-

дать от жизни. Еще сегодня, наблюдая за свадебной церемонией, Холли была уверена, что ее будущее – это самопожертвование, самоотречение, забота о других, попытка не обращать внимания на собственное одиночество и страдания.

Сейчас, в объятиях Ставроса, закутанная в его смокинг, она чувствовала себя так, словно вместо обычных коротких черно-белых снов она стала видеть длинные цветные сновидения.

Ставрос выдохнул:

– Поехали ко мне.

– Нет, не могу... – Ее сердце бешено колотилось. – Я никогда не делала ничего подобного.

– Ты играла по чужим правилам всю свою жизнь. Я тоже. Встречался с моделями, имен которых уже и не помню. Работал по двадцать часов в день, чтобы сколотить состояние, и ради чего? Чтобы купить еще один «феррари»? – В его тоне звучала горечь. – Для чего вообще я жил?

Холли уставилась на него, шокированная тем, что Ставрос позволил себе выглядеть таким уязвимым. Это привело ее в замешательство. Она думала о нем как о могущественном боссе. Но теперь стало ясно, что он был просто мужчиной. С таким же живым сердцем, как у нее. Она нежно накрыла его руку своей.

– Ты создал рабочие места по всему миру. Огромную компанию. Это очень важно...

– Только не для меня.

Она сделала глубокий вдох.

– А что же важно для тебя?

– Вот это, – просто ответил он и прижался губами к ее губам.

На этот раз его поцелуй был нежным и глубоким. Неужели это действительно происходит наяву? Может, ей это снится?

– Поедем ко мне домой, – прошептал он ей.

– Сегодня сочельник... – задумчиво сказала она.

Его темный пристальный взгляд прожигал ее насквозь.

– Когда я проснусь рождественским утром, то хочу держать тебя в своих объятиях. Если только ты этого хочешь...

Она – не хочет его? Нелепость этого предположения заставила ее ахнуть.

– Ты не можешь так думать...

Его плечи расслабились, и темные глаза встретились с ее глазами.

– Тогда живи так, как будто в последний раз.

Живи так, как будто в последний раз. Что за странные вещи он говорил.

Он был прав, она всю свою жизнь была хорошей девочкой, ничего не делала для себя. Работала сверхурочно и бесплатно, жертвовала своими мечтами ради испорченной сестры.

– Скажи «да», – хрипло настаивал Ставрос, медленно проводя рукой по ее волосам. – Поехали со мной.

К обочине подъехал «роллс-ройс». Она посмотрела на автомобиль, ее сердце бешено колотилось.

– Да, – выдохнула она. – Давай жить как в последний раз.

Оглянувшись на ожидавшую его машину, он протянул ей руку.

– Ты готова?

Холли кивнула, ее сердце бешено колотилось. Но когда она взяла его за руку, то не почувствовала себя готовой. Вообще, ни капли.

Путешествие длилось всего несколько минут, и они остановились перед известным роскошным отелем в центре города.

– Так вот где ты живешь, – сказала Холли, глядя на небоскреб.

Он криво усмехнулся:

– Тебе это не нравится?

– Нравится, но... ты живешь в гостинице?

– Это очень удобно.

Удобно? Она считала свою обшарпанную однокомнатную квартиру в Квинсе удобной. Всего одна пересадка на метро, чтобы добраться до работы.

– Но где же твой дом?

Он пожал плечами:

– Везде. Я много путешествую. У меня нет постоянного места жительства.

– Мистер Минос! – громко закричал швейцар в униформе, поспешно придерживая дверь. – Спасибо еще раз. Моя жена не перестает плакать с тех пор, как получила вашу рождественскую открытку.

– Да ничего особенного...

– Ничего себе – ничего особенного! Благодаря вашему рождественскому подарку мы наконец-то сможем купить дом. А это значит, что мы наконец-то попытаемся завести ребенка... – Его голос сорвался от нахлынувших чувств.

Ставрос коротко похлопал по плечу здоровяка.

– Счастливого Рождества, Роб.

– Счастливого Рождества, мистер Минос, – ответил швейцар, не сдерживая слез.

Крепко держа Холли за руку, Ставрос провел ее через позолоченную дверь в роскошный вестибюль, в центре которого стояла огромная рождественская елка, украшенная красными звездами.

– Интересно, что это был за рождественский подарок.

– Просто деньги, – коротко ответил он, ведя ее через вестибюль.

– Швейцар оказал тебе услугу или что-то в этом роде?

Подведя ее к лифту, он пожал плечами, выглядя при этом почти смущенным.

– Роб придерживает для меня дверь. Всегда улыбается и здоровается. Иногда вызывает автомобиль.

– И из-за этого ты купил ему с женой дом?

Нажав на кнопку лифта, Ставрос повторил:

– Ничего особенного. Правда.

– Для тебя – да, – тихо сказала она, когда дверь лифта со звоном открылась. – Но им это изменило жизнь.

Не говоря ни слова, он вошел в лифт. Она последовала за ним.

– Зачем ты это сделал?

– Потому что могу...

– Ставрос... возможно, в глубине души ты очень хороший.

Она заметила, как в его темных глазах промелькнуло что-то мрачное. Он нажал кнопку пентхауса.

– Я эгоистичный ублюдок. Это всем известно.

– Трудно в это поверить. Ты что-то недоговариваешь...

Ее голос прервался, потому что Ставрос прижал ее к стене лифта и жадно поцеловал. Его поцелуй был таким требовательным, что вопросы, которые начали формироваться в ее голове, исчезли, как будто их никогда и не было.

Дверь лифта со звоном открылась.

Он взял ее за руку, и она последовала за ним, оглядываясь вокруг.

Огромный пентхаус был погружен в темноту, если не считать белых огоньков на елке высотой до потолка. Она огляделась. Нигде не было ни фотографий, ни личных вещей. Пространство было оформлено в черно-белом цвете.

– Ты только что въехал?

– Я купил это место пять лет назад.

Холли удивленно посмотрела на него.

– Пять лет назад? Здесь как будто никто не живет.

Холли подумала о своей убогой квартирке без лифта, заставленной фотографиями семьи и друзей, о своей удобной, потрепанной старой мебели, старом одеяле своей бабушки.

– Я нанял лучшего дизайнера в городе, – немного раздраженно ответил он.

– М-м-м... очень мило.

Он притянул ее к себе.

– На самом деле ты так не думаешь.

– Нет.

Бабочки порхали у нее в животе, когда она смотрела на его красивые губы. Она ощутила их сладость и отдалась силе и власти его большого тела.

Ставрос долго целовал ее. С колотящимся сердцем, чувствуя головокружение от его страстных объятий, она отстранилась, у нее перехватило дыхание.

– Все это кажется нереальным.

– Сейчас мне многое кажется нереальным, – прошептал Ставрос, убирая пряди рыжих волос с ее лица, – кроме тебя.

Когда он крепко прижал ее к себе, его смокинг соскользнул с ее плеч и бесшумно упал на пол. Его руки медленно пробежали по ее волосам, спине, красному платью.

Отстранившись, она опустила глаза в пол и предупредила его:

– У меня нет большого опыта.

– Ты девственница.

Ее щеки вспыхнули.

– Откуда ты знаешь? Из-за того, как я целуюсь?

– Да. И как ты дрожишь, когда я притягиваю тебя к себе. В первый раз, когда я поцеловал тебя, то почувствовал, что эти ощущения были для тебя новыми. – Он нежно погладил ее по щеке, по шее и груди. Ее твердый сосок болезненно отреагировал даже на это легкое прикосновение. – Для меня это тоже новые ощущения.

Вспомнив сплетни о его прежних любовницах, утонченных женщинах, несомненно обладавших великолепными сексуальными навыками, она смущенно отвела взгляд.

– А что, если я тебе не понравлюсь?

Тихо рассмеявшись, Ставрос нежно приподнял ее подбородок и возразил:

– А что, если я не доставлю тебе удовольствия?

– Ты с ума сошел? – Ее глаза расширились. – Это невозможно!

– Именно это я и чувствую к тебе, Холли, – тихо сказал он. – Ты заслуживаешь лучшего. Лучше, чем самый известный греческий миллиардер? Он это серьезно? Но когда она посмотрела в его темные глаза, то увидела, что он не шутил.

– Я не могу работать на тебя, Ставрос, – тихо произнесла она, глубоко вздохнув.

У него вытянулось лицо.

– Почему?

– Я не буду чувствовать себя комфортно...

– Ты более чем заслужила это повышение, – прервал он ее на полуслове, – как самая трудолюбивая сотрудница. Это ты должна требовать повышения зарплаты, а не просто принимать его. Черт возьми, Холли, ты должна понять свою ценность...

Она импульсивно приподнялась на цыпочки и поцеловала его. Это был самый короткий из поцелуев, легкий как перышко, но он был дерзким, потому что она сама сделала первый шаг. Когда она начала отступать, он поймал ее и резко притянул к себе. Он целовал ее жадно и страстно, как будто она была спасательным плотом, а он тонул.

Ее тело напряглось от желания. Грудь отяжелела, в сосках возникло томительное напряжение. С рычанием он поднял ее на руки и понес по коридору в огромную спальню.

Комната была очень большой, но столь же скудно обставленной, как и гостиная. Поставив рядом с кроватью, Ставрос погладил девушку по щеке.

– Ты такая красивая, Холли, – прошептал он. – Как ангел.

– Я вовсе не ангел.

Он помолчал, глядя на нее в зимнем лунном свете, лившемся в окно.

– Нет, – наконец ответил он, медленно расстегивая молнию на ее красном платье. – Ты – женщина.

Платье бесшумно упало на пол. Она стояла перед ним в одном лифчике, трусиках и туфлях на высоком каблуке. Под жаром его взгляда, которым он окинул ее всю, Холли охватил пьянящий огонь. Собрав всю свою храбрость в кулак, она подняла глаза.

Обхватив ее лицо обеими руками, Ставрос наклонился к ней и целовал до тех пор, пока весь мир не закружился вокруг нее, и она потерялась в сладком водовороте его объятий. Он поглаживал грудь, тонкую талию, широкие бедра, изгиб спины. Она затаила дыхание, когда он расстегнул застежку ее бюстгалтера. Сделав глубокий вдох, он обхватил ладонями ее груди, дотронулся до тугих сосков. Она вздрогнула, трепеща от желания.

Наклонившись, он снял с Холли туфли на высоких каблуках, одну за другой, и уложил ее на белоснежное одеяло. Потом снял запонки на рубашке, не сводя глаз с девушки, расстегнул пуговицы, и она впервые увидела его мускулистую грудь. Он бросил рубашку на пол, и она залюбовалась его великолепным загорелым торсом, дорожка темных волос на котором вела к его плоскому упругому животу.

Ставрос расстегнул молнию на брюках и медленно стянул их вниз по бедрам вместе с нижним бельем, обнажив мускулистые, сильные ноги, покрытые более темными волосами. Она затаила дыхание, когда он выпрямился, и она увидела большой твердый член.

Она не была совсем уж невинной, потому что в старших классах посещала уроки полового воспитания и однажды видела, как коллега на работе смотрел порно на своем компьютере.

Но, увидев его полностью обнаженным, занервничала, натянула белое одеяло до подбородка, крепко зажмурившись и внезапно задрожав.

Она почувствовала, как под ней зашевелился матрас.

– Холли... – Его голос был тихим, он положил свою теплую и нежную руку на свое плечо. – Посмотри на меня.

Прикусив губу, она посмотрела на него, раздумывая, что же ей делать, что сказать. Мрачно-красивое лицо Ставроса было напряженным, полным желания.

– Ты боишься?

Закусив губу, она отвела взгляд.

– Я не хочу тебя огорчать. Я... не знаю, что делать.

– Холли, – хрипло повторил он, – просто посмотри на меня, обрати внимание, как сильно ты мне нравишься.

Она посмотрела вниз, как он приказал, и увидела, какой он большой и твердый. Ставрос хотел ее. В этом не могло быть никаких сомнений.

Дрожа, она приблизила свои губы к его губам. Нежно обняв, он ее поцеловал.

Когда его губы коснулись ее губ, все рациональные мысли исчезли. Холли смутно осознала, что одеяло куда-то исчезло и он накрыл ее обнаженное тело своим. Она почувствовала его вес и силу на себе и вздохнула с удовольствием, у нее возникло ощущение правильности происходящего, она стала половиной целого. Переплетя ее язык со своим, он дразнил ее, играл с ней, заставлял ее задыхаться. Поцелуй был таким совершенным, таким глубоким, что, когда он отстранился, она затосковала.

Его горячие поцелуи покрывали ее обнаженное тело. Он лизнул ее шею, ключицу, потом обхватил ладонями ее полные, обнаженные груди и медленно провел языком в ложбинке между ними, заставив ее сжать в кулаки белую хлопковую простыню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.